

Раздел II. Когнитивные и психолингвистические аспекты анализа дискурса и текста

Э.В.Будаев, А.П.Чудинов

Нижний Тагил - Екатеринбург

Когнитивно-дискурсивная парадигма в исследовании политической метафорики

Современная теория и практика когнитивного исследования политической метафоры генетически восходит к классическому исследованию Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff, Johnson 1980]. Как справедливо отмечает А.Н.Баранов, названная книга очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом сосюровского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода» [Баранов 2004: 7]. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры (иллюстрированной преимущественно материалами бытового общения), авторы названного труда обратились к политическому дискурсу, детально рассмотрев, в частности, милитарную метафору Дж.Картера и ее следствия (entailments).

Значительная часть современных исследований концептуальной метафоры может быть отнесена к когнитивно-дискурсивной парадигме в которой «усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова 2004: 520]. В первом случае имеются в виду связи «с внутренней, ментальной деятельностью человеческого сознания», а во втором – внимание сосредоточено на том, «как используется изучаемое явление в процессе общения людей» [там же: 519].

При когнитивном подходе к изучению концептуальной метафоры внимание исследователя сосредоточено на метафорической модели как ментальном феномене. В процессе такого исследования дается детальное описание сферы-источника и сферы-мишени, подробная характеристика фреймов и слотов каждой из названных сфер, а также других элементов модели.

При когнитивно-дискурсивном подходе исследователь стремится выявить взаимосвязи между метафорами и факторами, которые обусловили их востребованность. В этом случае мета-

фора воспринимается не как автономный феномен, а как естественная часть нарратива, который понимается как некоторое множество текстов, связанных с определенной политической ситуацией или с определенными политическими представлениями, с определенной политической позицией [Чудинов 2003: 170-178]. В современных публикациях можно выделить следующие направления изучения политических нарративов:

1. Исследование метафор, характерных для того или иного политического периода.

Несомненного внимания заслуживают работы американского ученого Р.Д. Андерсона, который обращается к анализу советско-российских политических метафор. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов Политбюро 1966-1985 гг. (авторитарный период), выступления членов Политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991-1993 гг. (демократический период). Исследовав частотность двух групп метафор (метафор размера и метафор личного превосходства и субординации), Р.Д. Андерсон приходит к выводу, что частотность этих метафор уменьшается по мере того, как население начинает самостоятельно выбирать представителей власти. Специальный анализ показал, что на смену «вертикальным» метафорам приходят метафоры «горизонтальные»: *диалог* (в авторитарный период метафора использовалась только по отношению к международной политике), *спектр*, цветные метафоры (*коричневые, белые* и др.), метафоры сторон (*сторонники, противники, левые, правые*) и др. Гигантомания и патернализм метафор, характерные для дискурса авторитарного периода в СССР, присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, поэтому пространственные метафоры субординации представляют собой универсальный индикатор недемократичности общества.

2. Исследование метафор, связанных с той или иной военной кампанией.

Целая серия публикаций посвящена метафорам, которые использовались в дискурсе войны, которую США и их союзники вели против Ирака (Дж. Лакофф, Дж. Льюл, Дж.Гуднайт). Так, еще до начала военных действий Дж. Лакофф [Lakoff 2003] проанализировал метафоры, актуализированные

администрацией и СМИ США для оправдания войны, и выделил базовые метафорические (метонимические) модели, которые, дополняя друг друга, занимают центральное место в осмыслении внешней политики в американском сознании:

1. *Государство – это индивид*. Развертывание метафоры *Ирак – это Саддам Хуссейн* в американских СМИ позволяет представлять войну в Ираке, как войну против одного человека, и оттеняет тот факт, что тысячи бомб, которые будут сброшены на Ирак (исследование опубликовано в преддверии войны), будут сброшены не на одного человека. Согласно американским СМИ государства-взрослые, т.е. экономически развитые государства, имеют полное право учить и дисциплинировать государства-детей, тем более, если ребенок становится *вооруженным подростком-хулиганом*.

2. *Модель Рациональной Личности*. Рациональная личность (государство) всегда стремится приумножить доходы и минимизировать расходы. В американской прессе война в Ираке представлялась, как торговая сделка, в которой доходы превышают расходы (чужие расходы, т.е. жизни иракцев, в расчет не принимаются).

3. *Сказка о справедливой войне*. По Дж. Лакоффу, метафорическая сказка о войне, в которой всегда есть Герой, Жертва, Злодей и Злодеяние, реализуется в двух вариантах. «История о спасении» была реализована при осмыслении первой войны в Персидском заливе (*Ирак – Злодей, Кувейт – Жертва, Злодеяние – изнасилование, Спаситель – США*). Для оправдания второй войны американская администрация и СМИ актуализировали «Историю о самозащите», в которой Жертва и Герой совпали.

Значительный интерес вызывают и исследования по проблемам метафорического представления Балканских событий. Например, Дж. Лакофф показал, что при осмыслении войны в Югославии американские СМИ (автор проводил исследование на примере газеты «The New York Times») апеллировали все к той же *Сказке о справедливой войне* (*Милошевич – Злодей, албанцы – Жертва, США – Герой*) и модели *Государство – это индивид*. Соответственно в сознании сербского народа Косово – это исконно сербская, но завоеванная мусульманами территория, на которой к тому же расположены главные сербские свя-

тыни. С. Милошевич представил вытеснение албанцев из Косово посредством метафоры *Христианского Рыцаря*, идущего в *крестовый поход* ради возвращения сербам святой земли. По существу это еще одна (сербская) разновидность сказки о справедливой войне [Lakoff 2001: 32].

Сопоставление американских и сербских метафор в политическом нарративе «Война в Югославии» проведено словенским исследователем В. Кеннеди [Kennedy 2000]. Исследователь указывает на то, что американские метафоры мало изменились со времен первой войны в Персидском заливе. Новая война по-прежнему осмыслялась в понятиях игры и бизнеса, в сказке о справедливой войне С.Хусейна заменил «злодей» С.Милошевич, албанцы выступили в роли «невинной жертвы», а США в качестве «героя». Сербская интерпретация событий оказалась прямо противоположной и совпала с мнением итальянских и греческих СМИ. Примечательно, что сербы и американцы апеллировали к историческим событиям второй мировой войны. Американские СМИ называли С. Милошевича *Адольфом Гитлером*, которого необходимо вовремя остановить, в то время как сербы использовали метафору НАТО – это *нацисты* (соответственно сербы должны выступить в качестве югославских партизан). Вместе с тем для каждого дискурса были характерны национально специфические метафоры. Как отмечает исследователь, понимание метафор во многом определяется фоновыми знаниями адресата. Например, апелляция сербских СМИ к *битве на Косовом поле* мало о чем говорила жителям США и Западной Европы, а связанное с историей США метафорическое выражение сенатора Б. Доула «Милошевич снова вышел на тропу войны» может по-разному восприниматься в американском обществе. Как отмечает В. Кеннеди, эта метафора содержит амбивалентные импликатуры (сильные и слабые импликатуры метафоры по К. Форсевиллю).

Миф об американской кавалерии, укрощающей непослушных индейцев и привносящей порядок на дикий Запад, в 90-е гг. сильно пошатнулся в результате деятельности общественно-правовых организаций и деятелей искусства, поэтому по представлениям части американцев укрощать необходимо американскую кавалерию.

3. Исследование метафор, связанных с той или иной избирательной кампанией. Так, К. де Ландсхеер и Д. Вертессен [Vertessen, De Landsheer 2005], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса (включающего такие критерии, как частотность, прагматический потенциал сферы-источника и др.) увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе. В этом же исследовании авторы задаются вопросом, отличается ли использование политических метафор на телевидении (коммерческом и общественном) и в прессе (бульварной tabloid и серьезной quality). Как показал анализ, метафорические индексы печатной прессы в несколько раз выше аналогичных показателей для телевидения, даже если сравнивать индексы газет в период между выборами с индексами телевидения в предвыборный период.

4. Исследование метафор, связанных с тем или иным политическим событием (процессом). Так, например, рассматривается специфика метафорического представления путча, который предприняли сторонники коммунистической идеологии, пытавшиеся в 1991 году отстранить от власти президента М.С.Горбачева (Ю.Б.Феденева). Целый ряд исследователей обращается к изучению специфики метафорического представления политического скандала (М.Ю.Кочкин, В.Макарова, Е.И.Шейгал).

К. Халверсон [Halverson 2003], анализируя метафоры в политическом нарративе «Война с террором (11 сент. 2001 – янв. 2002)», выделяет две основные метафоры, моделирующие осмысление терроризма в американском политическом дискурсе: *Антропоморфизм ценностей* и *Сказка о справедливой войне*. Анализ корреляции метафор в американском сознании и событий 11 сентября 2001 г. в сочетании с осмыслением социокультурных причин терроризма представлен в публикации Дж.Лакоффа [Lakoff 2001b]. В монографии О. Санта Аны [Santa Ana 2002] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки по материалам калифорний-

ской газеты The Los Angeles Times. Автор подразделяет выявленные метафорические модели (исследователь называет их метафорическими системами – *metaphoric systems*) на три группы: окказиональные (*иммиграция – загрязнение среды* или *огонь*), вторичные (*иммиграция – вторжение, болезнь* или *бремя*) и доминантные (*иммиграция – опасные водные потоки, иммигранты – животные*).

5. Исследование метафор, отражающих ту или иную политическую позицию. Как показал Й. Цинкен, противники вступления Польши в Евросоюз использовали для концептуализации будущего своей страны интертекстуальную метафору *Освенцим*, соответственно сторонники Леха Валенсы в 1989 году часто метафорически представляли коммунистов как *завоевателей-крестоносцев* [Zinken 2002].

Ирландские лингвисты Х. Келли-Холмс и В. О’Реган [Kelly-Holmes, O’Regan 2004] рассматривают концептуальные метафоры в немецкой прессе как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг. Как известно, в 2000 году в Ницце было достигнуто соглашение об институциональных изменениях, необходимых для принятия новых стран в ЕС. Ирландия – единственная страна ЕС, в конституцию которой нужно было внести поправки, чтобы ратифицировать этот договор. Ирландское правительство считало вопрос решенным, однако ирландский народ проголосовал против изменения конституции на первом референдуме, что не замедлило отразиться в немецкой прессе. Недовольство тем фактом, что 3 миллиона ирландцев должны решать судьбу 75 млн. новых членов ЕС, отображалось в немецкой прессе с помощью метафор дома и родства (*ирландцы хотят закрыть дверь перед двоюродными братьями и оставить их на пороге*), криминальных метафор (*ирландцы требуют выкуп за 12 стран*) и др. При рассмотрении подобных фактов следует учитывать, что до проведения референдума ирландско-немецкие отношения носили позитивный характер и даже метафорически представлялись как любовные отношения. Накануне второго референдума, который закончился положительным голосованием, в немецкой прессе активизировались негативные смыслы метафор из самых разнообразных сфер-источников: *семья* (Германия/ЕС – *терпеливый родитель*, Ирландия – *непред-*

сказуемый подросток, испорченный ребенок); **школа** (ученика нужно наказать, Брюссель ставит Ирландии плохие отметки); **дом** (Ирландия хочет разрушить дом); **болезнь** (Ирландия больна датской болезнью и может заразить Австрию (датчане проголосовали против Маастрихтского договора в 1992 г.), **война** (война за положительное голосование) и др. Как показали исследователи, метафорическая концептуализация событий накладывается на более общий уровень категоризации (оппозиционирования): **мы** (немцы) – честные, щедрые, альтруистичные, высокоморальные, тогда как **они** (ирландцы) – жадные, заблуждающиеся, неблагодарные, аморальные. В этом контексте постоянно противопоставлялись «хорошая старая Ирландия» и «плохая новая Ирландия».

Анализ метафор, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза (период 2000-2003 гг.), выявил концептуальные метафоры «самого абстрактного уровня» (**контейнер, равновесие контейнеров** и др.), при этом отмечается, что лидеры стран ЕС предпочитают метафору *контейнера*, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС – метафору *равновесия контейнеров* [Drulak 2004]. Другими словами, лидеры стран ЕС предпочитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

6. Исследования метафорических идиостилей, то есть специфики метафор, используемых отдельными политическими лидерами. Так, Д.Берхо [Berho 2000] задается вопросом о причинах высокой популярности аргентинского президента Х.Д.Перона. Сопоставив метафорику аргентинской политической элиты, отражающую презрение высших слоев общества к основной массе населения, с метафорами идиолекта Х.Д.Перона, А.Берхо показывает, как регулярное развертывание метафоры *Politics Is Work* (*Политика – это труд*) в политическом дискурсе принесло ему огромную популярность среди миллионов лишенных избирательских прав и работающих в тяжелых условиях аргентинцев, которые и привели Х.Д.Перона к власти. Ср. подобное исследование, посвященное сопоставлению речевых стратегий во франко-голландском расистском дискурсе, в ре-

зультате которого были выявлены ведущие метафоры в идиолекте А.Ле Пена. Для негативной репрезентации иммигрантов лидер Народного Фронта использует метафоры водного потока и войны. Соответственно Франция выступает в роли жертвы, которую освободитель А.Ле Пен (сравнивающий себя с Ж.Д'Арк и У.Черчиллем, а деятельность своей партии с антифашистской борьбой) должен спасти. Для положительной самопрезентации А.Ле Пен активно эксплуатирует мелиоративные смыслы метафоры родства [Valk 2001].

Самостоятельный интерес представляют корпусные исследования метафор в идиолектах известных политиков, что позволяет выявить общие закономерности метафорического моделирования действительности и стандартные сценарии, актуализируемые в речи политиков для манипуляции общественным сознанием. Так, Дж. Чартерис-Блэк [Charteris-Black 2004], проанализировав риторику британских и американских политиков (У.Черчилля, М.Л.Кинга, М.Тетчер, Б.Клинтона, Т.Блэра, Дж.Буша), показал, как метафоры регулярно используются в их выступлениях для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях. Особое место среди публикаций этого направления занимают экспериментальные исследования, направленные на выявление потенциала метафор в переконцептуализации политической картины мира в речи политиков. Так, скандинавские исследователи [Heradstveit, Vonham 2003], изучая влияние политической метафоры Дж.Буша «Ось зла» на иранское сознание, рассмотрели интервью с 32 представителями иранской политической элиты (в том числе оппозиционной) в 2000 и 2002 годах. В процессе исследования было обнаружено, что метафора вызвала недоумение большинства респондентов и была воспринята как «удар в спину» (Иран помогал США в войне в Афганистане), «убийство нарождающегося диалога между США и Ираном». Метафора Дж.Буша сплотила иранское общество и вместе с тем создала удобные условия для усиления ультра и консервативных сил.

В российских публикациях рассматривается метафорическая специфика идиостилей ведущих российских политиков В.Жиринов-

ского, Ю.Лужкова, Б.Немцова, И.Хакамады, В.Черномырдина, Г.Явлинского и др.

7. Сопоставительное исследование политических метафор. Например, исследование метафорической репрезентации евро в итальянской и британской прессе показало, как метафоры в дискурсе этих двух стран отображают противоположные оценочные смыслы: *евро – здоровый ребенок* и *евро – поезд, сошедший с рельсов* [Semino 2002].

В работе финского исследователя М.Луома-ахо [Luoma-aho 2004] на основе анализа западноевропейского дискурса коллективной безопасности показано, что дебаты на Межправительственной конференции 1990-1991 гг. представляли собой конфликт метафор «атлантистов» (сторонников США и членов НАТО) и «европеистов» (сторонников европейской самодостаточности). Если США и страны-члены НАТО видели в Западноевропейском Союзе *опору* атлантического альянса, то «европеисты» – *защищающую руку*. Организмические метафоры сторонников самодостаточности вступали в противоречие с архитектурными метафорами «атлантистов» и представляли европейское сообщество как независимый от НАТО политический субъект.

А.Мусолфф прослеживает «эволюцию» метафоры «*Европа – это дом / строение*» за последнее десятилетие 20 века на материале английских и немецких газет. В работе моделируется два различных концепта: российский концепт «дом» (многоквартирный дом) и западноевропейский вариант (частный дом, обнесенный забором). При переводе метафоры Горбачева европейцы актуализировали другой прототип, что и объясняет, по мнению автора, популярность этой метафоры в европейском дискурсе. Автор выделяет два периода в развитии метафоры дома. 1989-1997 гг. – это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы* и др. По мере роста противоречий в 1997-2001 гг. начинают доминировать скептические (*реконструкция, хаос на строительной площадке*) или пессимистические (*горящее здание без пожарного выхода*) метафоры. Оптимистический период характеризуется значительным сходством британских и немецких метафор. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуа-

лизации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы – *окупанты евродома* или *рабочие, считающие себя архитекторами*) [Musolff 2000].

В других публикациях А.Мусолфф [Musolff 2001a, 2001b] сопоставляет метафоры со сферой-источником *дорога/ движение/ скорость* в британской и немецкой прессе, освещающей политические процессы в Европейском Союзе. Анализ материала обнаружил различия в эксплуатации прагматических смыслов метафор немцами и британцами, которые используют потенциал сферы-источника для отображения различных взглядов на перспективы развития ЕС: британцы критикуют Германию за излишнюю поспешность, немцы метафорически порицают Великобританию за медлительность.

Исследованию концептуальной метафоры *политическое тело (body politic)* в статьях английской и немецкой прессы 1989-2001 гг. посвящена публикация А.Мусолффа [Musolff 2004], в которой автор выявляет, что 45 % словоупотреблений концептуальной метафоры «ЕС – это (человеческое) тело» приходятся на метафору *сердце Европы (heart of Europe / herz Europas)*. Немцы предпочитают использовать метафору *сердце Европы* как ориентационную, что неудивительно, если учесть, что географически Германия находится в центре Европы. Британцы намного реже используют ориентационный потенциал политической метафоры *heart* и акцентируют внимание на функциональном значении сердца для человеческого организма (Евросоюза), поскольку по сравнению с Германией Великобритания относится к географической периферии Европы. А. Мусолфф, проследивая хронологические изменения («эволюцию») в актуализации метафоры *heart of Europe* в английской прессе, показывает, что по мере усиления разногласий между Великобританией и ЕС в британской (но не в немецкой) прессе начинают доминировать метафоры болезни сердца. Подобные образы отражают скептическое отношение британцев к политике ЕС, сменившее оптимистические настроения начала 90-х годов, когда акцентировалась значимость Великобритании в европейской политике.

Детальный анализ метафор из сферы-источника «Дом / Строительство» как средства концептуализации Европы в российском и немецком газетном дискурсе 2000 г. проведен Й.Цинкеном [Zinken 2002], который разделяет рассматриваемые метафоры по сферам-источникам на две группы: «Здание» и «Строительство». Проанализировав первую группу, автор показал, что в российском дискурсе очень продуктивен фрейм «Структура здания»: для россиян важно определить, стоит ли Россия на *пороге* европейского дома или ее впустили в *прихожую*, *отгородились* ли европейцы от России или позволяют ей *обжиться* в европейском доме и т.п. В немецком дискурсе метафоры этого фрейма почти не используются, однако здесь продуктивны образы *порядка в доме*, *договора о найме помещения*, которые отсутствуют в российском дискурсе. Этот факт Й. Цинкен объясняет, в частности, тем, что в повседневной жизни россиян договор о найме – реалия относительно редкая и малоактуальная. Продуктивность и частотность метафор второй группы (сфера-источник «Строительство») в российском дискурсе значительно уступает аналогичным показателям в немецком дискурсе. Анализ метафор позволил смоделировать дискурсивно-специфичные (*diskursspezifische*), но устойчивые и согласованные с определенной культурой стереотипы (*Abbildungstereotypen*). В концептуализации Европы выделяется три таких стереотипа – Европа институциональная, Европа культурная и Европа географическая. Если представление о Европе как о культурном феномене у россиян и немцев совпадает, то в отношении двух других стереотипов выявляются значительные расхождения. Для немецкого сознания «Европа – это Евросоюз и стройплощадка» (институциональный подход), а для российского сознания такое понимание феномена Европы представляется курьезной идеей. Российский стереотип «Европа – это дом, находящийся в чужой собственности» (географический подход); именно с этим стереотипом связаны попытки определить, относится ли Россия к Европе или нет, хотя географически Европа заканчивается на Урале [Zinken 2002: 179-192].

Несколько иной подход Й.Цинкен использует для анализа метафорического представления европейской интеграции в немецком и польском газетном дискурсе 2000 г. Исследователь

выделяет три общих схемы (близких образ-схемам М.Джонсона) для концептуализации интеграционного процесса. Схемы наполняются различными метафорами и в разной степени востребованы в немецком и польском дискурсах. Первая схема представляет Евросоюз как контейнер, для проникновения в который Польша должна приложить усилия. Схема наполняется метафорами пути и школы и востребована преимущественно в немецком газетном дискурсе. Вторая схема представляет Польшу как неподвижный объект, а ЕС как расширяющуюся субстанцию. Эта схема востребована противниками вступления Польши в ЕС (в немецком дискурсе открытых возражений против расширения ЕС автор не выявил). Польша метафорически представляется жертвой расширения, а будущее изображается посредством метафор рабства. Третья схема представляет Евросоюз и Польшу как два объекта, движущихся к контейнеру «Новая Европа». Эта схема реализуется в польском дискурсе, где доминируют позитивные метафоры совместного строительства евродома и создания семьи. Вместе с тем подобные образы нередко несут заметный заряд иронии. В одних случаях поляки представляются бедными родственниками, с которыми никакой добрый дядюшка не захочет делиться своими сбережениями, а в других создается образ молодого бедного кавалера (Польша), который неудачно сватается к далеко не юной, но богатой даме (Евросоюз), не желающей объединять имущество и предпочитающей свободные связи [Zinken 2002: 192-203].

Сопоставительные исследования метафорического мировидения политических феноменов в исторически гетерогенных культурах представляют большой интерес, но, к сожалению, подобные исследования единичны. Попытку сопоставить метафоры, легитимирующие социально-политическое единство в Европе, Китае и Японии, предпринял Э.Рингмар. Если в Европе в разные исторические периоды доминировали метафоры тела, механизма и семьи, то для восточной Азии, по мнению исследователя, характерны метафоры музыки и танца. Как указывает Э.Рингмар, базовые метафоры варьируются не только в географическом измерении, но и в хронологическом: так, до 90-х годов 19 века в Японии императора не называли отцом, но с усилением милитаристских настроений появляется необходимая

для легитимации жертвенности японских солдат метафора семьи [Ringmar 2005].

Сопоставительные исследования широко представлены и в российской лингвистике. Подобные исследования позволяют отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, общечеловеческое и свойственное лишь отдельным национальным политическим дискурсам. Материалы конкретных публикаций показывают, что в современных политических условиях действительно сложился своего рода интердискурс (термин Т.В.Шмелевой), поскольку современные политики и журналисты в различных странах Европы и Америки нередко используют очень похожие метафорические образы. Указанные выше публикации позволяют сделать вывод, что концептуальные метафоры с такими сферами-источниками, как «война», «театр», «спорт», «дорога», «мир животных», «мир растений», «погода», «болезнь», «механизм» и «дом», активно используются едва ли не в каждом национальном политическом дискурсе.

Вместе с тем специалисты постоянно фиксируют и национальные особенности политической метафоры. Например, столь типичное для России метафорическое представление президента и его приближенных как монарха (царя) и его двор, совершенно нехарактерно для США. Это же можно сказать и о столь типичной для нашей страны криминальной метафоре, в соответствии с которой политическая элита образно представляется как своего рода преступное сообщество со своими «паханами» и «шестерками». С другой стороны, так характерная для США метафорическая модель со сферой-источником «бизнес» лишь в последние годы завоевывает определенное место в российском политическом дискурсе, а метафорический образ «справедливый полицейский» совершенно не воспринимается российским сознанием.

Важно подчеркнуть, что различия в использовании метафорических моделей чаще всего проявляются лишь на уровне отдельных слотов и концептов. Так, и в России, и в Соединенных Штатах весьма распространены метафоры, образно представляющие политическую жизнь как футбольный матч, в котором каждая из команд стремится одержать победу. Однако в политическом дискурсе США источником метафор служит американский футбол, который лишь в некоторой

степени напоминает игру, столь любимую в России, тогда как в нашей стране (как и в других европейских странах) сферой-источником служит совсем иная игра, следствием чего может оказаться взаимное недопонимание. Показательно, что в современной российской политической коммуникации весьма продуктивны образы, восходящие к концепту «коммунальная квартира», но такие метафоры понятны лишь немногим американцам, немцам или французам.

При всем различии рассмотренных выше подходов к политической метафоре когнитивно-дискурсивная парадигма объединяет исследования, для которых характерно, с одной стороны, понимание метафоры как феномена мышления, играющего важную роль в осмыслении и преобразовании политической действительности, а с другой – стремление учесть специфику дискурсивных факторов, определяющих использование тех или иных метафорических моделей.

Литература

Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М., 2004.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.

Berhó D. L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // Rocky Mountain Review of Language and Literature. 2000. Vol. 54. №2.

Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. – Basingstoke, 2004.

Drulak P. Metaphors Europe Lives by: Language and Institutional Change of the European Union. EUI Working Papers, SPS No. 2004/15. Florence, 2004 // www.arena.uio.no/events. 2004.

Halverson C. M. Lifting the Dark Threat: The Impact of Metaphor in the War Against Terror // Journal of Undergraduate Research. 2003. Vol. 6.

Heradstveit D., Bonham G. M. Changes Iranian Images of How the Axis of Evil Metaphor the USA. Paper No. 655. — Oslo, 2003.

Kelly-Holmes H., O'Regan V. "The spoilt children of Europe". German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // Journal of Language and Politics. 2004. Vol. 3. № 1.

Kennedy V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo // Metaphor and Symbol. 2000. Vol. 15. № 4.

Lakoff G. Metaphor and War, Again // www.alternet.org. 2003

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980.

Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters. December 1999. P. 1-40 // www.frameworksinstitute.org 2001.

Luoma-aho M. “Arm” versus “pillar”: The politics of metaphors of the Western European Union at the 1990-91 Intergovernmental Conference on Political Union // *Journal of European Public Policy*. 2004. Vol. 11. № 1.

Musolff A. Cross-language metaphors: obstacles or pathways of international communication? Paper held at the conference: Language, the media and international communication, at St Catherine's College, Oxford, Sponsored by the Faculty of English // www.dur.ac.uk/modern.languages/depts/german/Musolff. 2001a

Musolff A. The Metaphorisation of European Politics: Movement on the Road to Europe // *Attitudes towards Europe. Language in the Unification Process* / Eds. A. Musolff, C. Good, P. Points, R. Wittlinger. – Aldershot: Ashgate, 2001b.

Musolff A. Metaphor and conceptual evolution // *Metaphorik.de*. 2004. № 7.

Ringmar J. Metaphors of Social Order in Europe, China, and Japan // eis.bris.ac.uk/potfc/Granada/Papers/Ringmar. 2005.

Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. – Austin, 2002.

Semino E. A sturdy baby or a derailing train? Metaphorical representations of the euro in British and Italian newspapers // *Text*. 2002. Vol. 22. № 1.

Valk I. van der. Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990-1997). Paper for the ECPR-conference, Grenoble, 6-11 April, 2001. P. 1-32 // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions>. 2001.

Vertessen D., De Landsheer C. A Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions. 2005.

Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld, 2002.

©Э.В.Будаев, 2005

©А.П.Чудинов, 2005